

Спектакль Малого театра «ДОХОДНОЕ МЕСТО». В роли Фелисата Герасимовна — народная артистка СССР Е. ТУРЧАНИНОВА, в роли Поляка — артистка О. КОРЖЕВА. Фото С. ШИНГАРОВА.

К 125-ЛЕТИЮ МАЛОГО ТЕАТРА

ДОМ ТВОРЧЕСТВА «ЩЕЛЫКОВО»

СРЕДИ верхневолжских городов Кинешма более других сохранила отпечаток века минувшего, века, который с такой яркостью красок, жизненной правдой и сатирическим ядом рисовал Александр Николаевич Островский. Разумеется, отпечаток «века Островского» теперь не в людях, не в укладе жизни; все стало другим в нашу эпоху, но ищите уголки Кинешмы — предстают перед вами как превосходно выполненные декорация к пьесе Островского. Стоишь на высоком берегу Волги в ожидании парома, оглянешься на набережную, на зеленую бульвару — и вспомнится декорация первого действия «Бесприданницы»:

«...налево — деревня; в глубине пылая чугунная решетка, за ней видна Волга — на большое пространство: лес, селен...»

Подходит паром, на паром, пыхты, вкатываются колесный грузавик, затем автобус, мотоцикл и вереница ребят. С пестрыми гаммами приваивается молодежь, не торопясь, располагается солидная публика. Наконец гудит буксирный катер, и паром медленно отстает от пристани. Он движется тихо, и за это время успеваешь прочитать газету. Но вот паром уже прижался к отлогому берегу Волги. Шлепая по воде, заливающей мостки, выйдешь на берег в немногочисленной толпе, пока шаберет из вляжных песков автобус. Затем предстает недолгий путь — всего двадцать километров. Только в конце пути начинается лесная, живописная дорога. По обеим сторонам зеленая чаща, столетние ели, глубокие овраги, бурелом, тиклые полянки. А по дороге катят в район велосипедисты, тархатят грузовики, высоко в небе гудит самолет. Это уже наш, наш сегодняшний, трудовой, веселый день.

Лет восемьдесят назад по этой дороге не раз проезжал плотный, широкоплечий, стриженный по-русски

Л. НИКУЛИН

человек с окладистой бородой в умных, как будто суровым взглядом. Ехал он сюда всегда с радостным чувством. Москва была позади, вокруг была лесная, заводская тишина, спок, родное, близкое, связанное с дорогими воспоминаниями. Путь лежал в селенье Щелыково, в усадьбу, приобретенную отцом еще во времена крепостного права. Отец завещал усадьбу манежу, у манежи жилище было куплено Александром Николаевичем Островским и его братом.

В ту пору Островский был уже признанным русским драматическим писателем. В эту эпоху великой русской литературы жили Алексей Константинович Толстой и Суховерхов, жил Лев Толстой. Казалось, не было в русской литературе писателя, а в русском театре артиста, который не почтится бы таланта Островского. На самом деле было так. Литературные завистники, императорские чиновники, неудачливые артисты, не стесняясь, позволяли себе пренебрежительно судить об Островском. Драматург Нелекин пишет в своих воспоминаниях, что случайно утомленный борьбой с чиновниками Островский «затворился в своей квартире и по несколько лет не посещал театров, которым посвятил всю свою жизнь».

Оттого, надо думать, Островский охотно покинул Москву ради Щелыкова. Здесь он жил, работал и здесь кончил свои дни.

И потому, подвезжая к Щелыкову, ждешь, когда покажутся в зеленой чаще парка знакомые старинные строения дома, в стенах которого написаны «Бесприданница», «Последняя жертва», лучшее из всего, что создано Островским.

Разросся тенистый старый парк, стройные молодые березы стали столетними деревьями, но всё тот же деревянный двухэтажный дом и кабинет, где работал Островский. Из окна глядишь вино и видишь обветшалую кирпичную лестницу, она ведет под гору, в тенистые, тиклые аллеи парка.

Конем семидесяти годов был для великого драматического писателя порой расцвета его таланта. В 1876 — 1878 годах здесь, в Щелыкове, он писал «Правда хороша, и счастье лучше», «Бесприданница» и «Последнюю жертву». Из года в год появлялись на сцене Малого театра в Москве и Александринского — в Петербурге творения Островского. 31 августа 1876 года из Щелыкова Александр Николаевич писал В. И. Родзевскому, литератору, своему соратнику по организации Общества драматических писателей: «Я теперь серьезно принимаюсь за работу, многое написал, да все бросил». Плодами этой серьезной работы были три названные пьесы — они ло сих лор украшают нашу сцену. Кому довелось видеть рукописи Островского, его наброски, планы пьес, наконец, самую пьесу, непосредственно поправкам, деловыми, тот понимает, что означают слова драматурга: «серьезно принимаюсь за работу». Но были и годы среди трудовых будней праздничества, семейные радости.

25 мая 1877 года он пишет из того же Щелыкова Родзевскому: «Многоуважаемый Владимир Иванович, извините, что замедлил, а möchte быть, и не складно сделал, а у меня в некотором роде прибавилась семейства. Появился на свет мой Островский Николай, молодой человек, полагающий больше надежды...».

Выдержки из писем А. Н. Островского печатаются впервые.

В местах, связанных с жизнью и творчеством великих писателей, всё неодолимо от духовного, творческого их труда. Так и в Щелыкове: нельзя отвлечься от мысли, что именно здесь, в аллеях парка, на лесных тропинках и у оврага, галдя и сияющей лесная даль, Островский пока еще в мыслях видел образ Ларисы и Юлии Турчиной, пока еще в мыслях, не на бумаге, строил действие, которое так властно захватывает внимание зрителей и до сих пор непреодолимо пленяет нас.

Щелыково — не заповедник, но еще здесь, точно в западном лесу. Стоит только уйти за пределы парка, побродить по берегам реки, которая носит странное название Кузнецкого, спуститься в глубокий овраг, из которого глядят вершины вековых елей, углубиться в лес — и вдруг тебя осенит: так вот откуда явилась «Снегурочка», сказка, вдохновившая двух величайших русских композиторов — Чайковского и Римского-Корсакова.

В памятные июльские дни грозного 1941 года шли мы здесь с пылепокойным П. М. Саловским, народным артистом СССР и Проим Михайловичем, оставшимся на поляне, поглядывая вокруг и с глубоким убеждением сказал: «Поляна берендеев...». Нам сначала показалось, что эти слова были просто напоминанием о творении Островского. Но он повторил эти слова, и когда мы перешли в «Снегурочку», то прочитали: «Просторная поляна в лесу, справа и слева сплошной лес стеной, перед ним по обе стороны невысокие кусты. Вдали, меж кустами, видны богатые шатры. Вечерняя зоря догорает».

Это было точное описание поляны, которая так недавно была у нас перед глазами... Так же догорала нечерная зоря, только не было богатых шатров меж кустами. И стало нам понятно, почему именно в этом месте Проим Михайлович прочел на память:

Смотри, дитя, какое сочетание Цветов и трав, какие переливы Цветной зры... Он читал эти стихи, унывая как

взвучившем, глубоко вдыхая запах цветов и трав поляны берендеев. Возвращаясь после долгой прогулки, мы шли через селенье и видели старинные, сложенные в лапу из векового леса избы. Иные из них стояли здесь со времен наполеоновского нашествия. И снова вспомнилась «Заречная слобода Берендеева».

Знал и любил эти места Островский, знал и любил народ, с которого в те давние времена писал берендеев Заходя в крестьянские избы, толковал с крестьянами. В «Путешествии по Волге от истоков до Нижнего-Новгорода» он оставил интереснейшее описание Поволжья, паркумные отмены крепостного права. Забылся о просвещенном земляке, Любопытнее, что по случаю 25-летия литературной деятельности Александра Николаевича предлагали открыть народную школу в селении Щелыково. Собранных денег нехватало, в частям был безразличен юбилей великого русского драматурга.

28 мая 1886 года Островский покинул Москву, измученный работами о Малом театре, служебными неприятностями, недалами с чиновниками контроля императорских театров. Для них он был только служащий — «заведующий репертуарной частью». Он выехал с почтовым по Нижегородской дороге в Кинешму, оттуда — в Щелыково. Ехал он в открытой экипаже. Был хоуодный, ветреный, дождливый день. Двухдневный верст по дурной, разбитой дороге намучили и обесилили его. Он вошел в милую ему старую дом, а котором мечтал в Москве среди трудов и забот. В комнате, в рабочем его кабинете, где он провел столько часов у стола, он почувствовал себя душно и здесь под сенью старого щелыковского дома скончался 2 июня 1886 года.

Его похоронили вблизи Щелыкова, в Бережках. Каждый раз, когда по дальней тропинке направляешься в селенье Березки, незлобно думаешь о том, что по этой тропе несло гроб Островского. Был солнечный день, и вечной красой была природа, русот, темнозеленый сумрак был в глубоком, поросшем тогда молодым лесом овраге. Идешь сейчас вдоль

тропинки, старые ели достают верхушками края оврага, минуешь поля, и возникает колокольня в ограде кладбища. Меж двух белых могильных памятников поднимается крест из черного мрамора, и на нем высечено:

Александр Николаевич
ОСТРОВСКИЙ.

Даты рождения и смерти. На пыльных славословиях, на надгробных начертаниях. Значительная и трагическая эта скупая надпись.

Могилы не забыты. Летом у подножья памятника лежат венки полевых цветов. Приходят школьники сельских школ, приходят актеры того театра, который называют у нас «Домом Островского». Кажется, нет вокруг ни одного человека, который не сознавал значения места, где жил, работал, умер и похоронен великий русский драматический писатель.

За кладбищем тропинка ведет нас в колхозные поля, затем крото, через лесную чащу, спускается к тихой, протекающей в лесных берегах реке. Шумит вода у плотины, но самой мельницы нет, она стала ненужной там, где работают паровые мельницы. Высокие деревья отражаются в зеркале тихо струящейся лесной реки.

И насколько не странно, что здесь, под шум векового леса люда так много говорят об искусстве, насколько не странно, что сюда по крутой тропинке легкой, молодой походкой спускался Остужев, что это любимое место стариков и артистической молодежи Малого театра.

Теперь Щелыково — дом отдыха актеров этого театра, но отдала художника —удивленные мысли о целых искусствах, образах, которые отсутствую тропкам актера. Здесь, в этих местах, отдых и творчество не отделялись. И можно ли забыть другое, более достойное место для творчества, чем край, где рождалось видение Снегурочки, Ярлыга, спускающегося к берендеев в «дне молодого парня в белой одежде, в правой руке свешиваясь голова человека, в левой — ржаной снопок».